

7. Kulikov L. V. Psihologiya nastroyeniya. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1997. 228 s.
8. Levitov N. D. O psihicheskikh sostoyaniyah cheloveka. M.: Prosveshchenie, 1964. 344 s.
9. Litvak A. G. Psihologiya slepyh i slabovidyashchih. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1998. 270 s.
10. Litvak A. G. Emotsional'nye sostoyaniya oslepshih // Diagnostika, razvitie i korrektsiya sensornoy sfery lits s narusheniyami zreniya. M., 1997. S. 157–161.
11. Lutsko E. A. K voprosu ob opredelenii kriteriev i faktorov effektivnosti adaptatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Vyp. 1. 2008. S. 205–209.
12. Matveev V. F. Psihicheskie narusheniya pri narusheniyah zreniya i sluha. M., 1987. 111 s.
13. Osnitskiy A. K. Opredelenie harakteristik sotsial'noy adaptatsii // Psihologiya i shkola. 2004. № 1. S. 43–56.
14. Posohova S. T. Psihologiya adaptiruyushcheysya lichnosti. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2001. 240 s.
15. Semenov A. I. Osobennosti nervno-psihicheskikh narusheniy pri vnezapnoy slepote u vzroslyh: avtoref. dis. ... kand. med. nauk. M., 1974. 17 s.
16. Simaeva T. N. Psihologiya adaptatsii lichnosti k izmeneniyam zhiznedeyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. SPb., 2006. S. 20.

V. A. Kaлягин

ЭМОЦИИ В СТРУКТУРЕ РЕЧЕВОГО ДЕФЕКТА ВЗРОСЛЫХ ЗАИКАЮЩИХСЯ

В статье рассматриваются эмоциональная составляющая клинической картины заикания. Представлены результаты многолетних исследований различных проявлений эмоций взрослых заикающихся с помощью батареи психодиагностических методик. Способность проявлять и распознавать эмоции рассматривается как необходимое условие их позитивного применения в процессе терапии. Показано, что у части заикающихся наблюдается алекситимия, проявляющаяся на фоне некоторого обеднения словаря, которую можно рассматривать как механизм психической защиты. У взрослых заикающихся имеется комплекс тревожных расстройств, а также своеобразие восприятия базовых эмоций в текстах, что может быть связано с имеющейся у них социофобией.

Ключевые слова: речь, взрослые заикающиеся, незаикающиеся, эмоции, восприятие, текст.

V. Kalyagin

EMOTIONS IN THE CONTEXT OF STUTTERING AS A SPEECH IMPEDIMENT IN ADULTS

The article discusses the emotional component of the clinical picture of stuttering and presents the results of an extended research of emotional expressions in adults who stutter, based on the use of a combination of psychodiagnostic techniques. The subjects' ability to demonstrate and recognize emotions is viewed as an essential condition of emotions' use in the process of therapy. According to the study, some stutterers may exhibit alexithymia manifesting itself in vocabulary depletion, which can be viewed as a protective response. Adult stutterers experience various

anxiety disorders and may show peculiarities in their perception of emotions in texts, which may be attributed to social phobia.

Keywords: *speech, adult stutterer, adult normal speaker, emotions, perception, text.*

Согласно мнению авторитетного французского лингвиста Ш. Балли, говорящий всегда как-то относится к порождаемому им тексту [2, с. 30–31]. Какими средствами это достигается? Из двух форм речи письменной и устной чаще рассматриваются средства эмоциональности второй с акцентом на паралингвистической ее характеристике от интонации до жестикюляции. Присутствие эмоций в письменных текстах кажется менее очевидным, поскольку их выразительность обычно связывают со способом произнесения и, прежде всего, интонацией. Общим для устных и письменных текстов является использование эмотивной лексики (термин, введенный в употребление Р. Якобсоном [21]), с помощью которой адресант прямым образом характеризует свои или чужие переживания. Но ее возможности для передачи эмоций надо признать ограниченными в силу, с одной стороны, относительной бедности эмотивного словаря (по данным разных авторов, он состоит в русском языке примерно из 200 единиц), с другой — того факта, что она по большей части передает переживания говорящего в отношении какой-либо ситуации, событий, себя или других людей, но не текста.

Эмоции имеют важное значение для организации или дезорганизации процесса речи. Особую роль эмоциям отводят в механизмах такого распространенного нарушения речи, как заикание, которым страдает один процент взрослого населения [4, 12, 15, 22]. Общепринятым является представление о заикании как прерывании плавности речи в виде пауз и повторов ее элементов. Эмоции могут провоцировать возникновение приступов заикания и в значительной мере на их регулирование направлены психотерапевтические мероприятия в комплексном курсе преодоления этого расстройства речи. Поэтому вопрос о состоянии эмоций заика-

ющихся имеет важное теоретическое значение для понимания механизмов расстройства и практическое для правильной организации помощи. Одним из первых переживания как причину заикания и как его следствие и причину его сохранения подробно описал Г. Д. Неткачев в начале прошлого века. Сохранение значимости этой темы подтверждает О. Bloodstein, который отмечает, что эмоциональная реакция на свой дефект наблюдается у детей пяти лет и более раннего возраста. По сути, он говорит о феномене, который Г. Д. Неткачев обозначил как фиксацию на дефекте. Вместе с тем у 22 % взрослых, имеющих длительный опыт заикания, наблюдается алекситимия, т. е. сниженная способность или затрудненность вербализации эмоциональных состояний [9], что можно рассматривать как защитную реакцию в виде отказа от эмоционального реагирования на речевой дефект, который не удается устранить. Склонность к уменьшению эмотивной лексики происходит на фоне выявленного нами ранее запаздывания формирования общего пассивного и активного словаря заикающихся школьного возраста [10].

Цель настоящей работы состояла в сравнении эмоций заикающихся и незаикающихся взрослых.

Организация и методика исследования. Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского НИИ уха, горла, носа и речи (СПб НИИЛОР) Министерства здравоохранения России и факультета коррекционной педагогики РГПУ им. А. И. Герцена при участии более 200 практически здоровых студентов III–IV курсов в возрасте 20–22 лет, а также нескольких групп заикающихся в возрасте 17–23 лет, проходивших амбулаторное и стационарное лечение в СПб НИИЛОР, от которых было получено информированное согласие с соблюдением этических норм. В работе также представлены обобщенные

результаты некоторых предшествующих исследований, связанных с вопросом о состоянии эмоциональной сферы взрослых заикающихся.

Результаты.

Ранее с помощью батареи методик (Дж. Тейлор, Г. Айзенка, Спилбергера — Ханнина, Келлермана — Плутчика, Р. Эриксона) было показано, что с возрастом у заикающихся формируется тревожный комплекс на основе имеющегося дефекта речи [11]. В качестве важного симптома заикания рассматривают логофобию или страх речи, который чаще всего обусловлен не самим дефектом речи, а возможным отношением к заикающемуся окружающих людей и поэтому правильнее говорить о социофобии. Известно, что общение с разными партнерами может существенно изменять речь заикающегося. При разговоре с одними людьми заикание может полностью отсутствовать, при общении с другими — иметь выраженный характер. Существенную роль при этом имеет обмен эмоциями, которые передаются не только интонацией, но и другими разнообразными средствами, такими как оценочные суждения, фразеологизмы, синтаксис, стилистика, изобразительно-выразительные языковые средства или даже цветовые зрительные ассоциации как было показано в работе А. П. Журавлева [7].

Существенным методологическим моментом проведения настоящего исследования является понимание природы эмоций, которым посвящена обширная литература, свидетельствующая о том, что, несмотря на многочисленные исследования, до настоящего времени общепринятой теории по этому вопросу не существует. Эмоции рассматриваются в широком контексте таких переменных, как субъективные переживания, оценки ситуации, потребности, ценности, цели, ожидания организма, конфликт мотивов, бессознательные факторы и наличный репертуар стереотипов поведения. Общей является интерпретация эмоций, исходя из заложенного в этом латинском слове (*emovere*) содержания — двигать, возбуж-

дать, подбадривать или волновать, что проявляет их мотивационную функцию. Эмоции представлены в психике человека и осознаются им как переживание, возникающее в ответ на ту или иную жизненную ситуацию, а значит, в их механизме предусмотрена оценка ситуации, после которой следует то или иное поведение. Первую часть эмоции как процесса можно рассматривать импрессионной по аналогии с импрессионной речью, т. е. восприятие, которое в обоих случаях предусматривает идентификацию событий и их последующую интерпретацию или категоризацию. Поэтому большое количество исследований и практических рекомендаций посвящено именно этой стороне эмоций. О преобладании именно такого подхода свидетельствует, например, высказывание одного из ведущих исследователей эмоций К. Изарда, который утверждает, что в качестве эмоциональной экспрессии рассматриваются только способы выражения или демонстрации эмоции, такие как мимические комплексы, поза и речь [8, с. 38]. Он отмечает, что демонстрация наличных эмоций может быть произвольной и непроизвольной, а для ее достижения используются списки определений или шкалы, т. е. эмоциональная лексика, о которой уже говорилось выше. При этом возникает существенный вопрос: каким образом мы получаем список эмотивной лексики? Наиболее доступным источником являются словари, но нас интересует эмотивная лексика конкретного индивидуума. Мы воспользовались прямым способом ее получения, попросив 50 студентов в течение пяти минут составить список известных им эмоций. Для большинства респондентов это время оказалось избыточным, а количество воспроизведенных названий эмоций колебалось от 7 до 39. В среднем студенты воспроизвели 18 ± 6 слов, в то время как согласно словарям русского языка их насчитывается порядка 200 и, как показывает опыт, все они известны нашим респондентам. При относительно большом количестве слов для обозначения эмоций в русском языке остается открытым вопрос, в какой

мере и этот перечень отражает реальный репертуар эмоций, доступных человеку. Для прояснения данного вопроса обратимся к существующим классификациям эмоций, в которых реализуются два подхода: а) сведение всего многообразия эмоций к некоторому перечню, который обычно называют базовыми эмоциями, б) обозначение поля эмоций, которые различаются между собой с помощью некоторой системы координат. К первому подходу в большей мере можно отнести классификацию К. Изарда, в которой предусмотрено 10 фундаментальных эмоций, ко второму — классификацию Р. С. Шлосбега, который расположил эмоции по кругу, разделив их с помощью двух координатных осей — «удовольствие — неудовольствие» и «принятие — отвержение» [18, с. 136]. Классификация К. Изарда на первый взгляд представляется более привлекательной своей четкостью и однозначностью, что подтверждается ее популярностью, в частности, у отечественных исследователей. Но «оборотной стороной» этой четкости является сведение всего многообразия эмоциональных переживаний к ограниченному их набору, а это уже недостаток, свойственный и современной международной классификации болезней, отказавшейся от нозологической классификации.

В классификации Р. С. Шлосбега привлекает внимание тот факт, что она была построена на способности оценивать эмоции по мимической их репрезентации. Также ученый не избежал выделения из всего многообразия человеческих чувств лишь ограниченного количества из шести основных категорий, что в известной степени затушевывает главное достоинство идеи возможного плавного перехода одних эмоций в другие с последующим также плавным возвращением к исходной, что важно учитывать при оказании психотерапевтической и логопедической помощи.

Деление эмоций на позитивные и негативные свойственно многим их исследователям, например, К. Изард к позитивным эмоциям относит радость и удивление, а к негативным — печаль [8, с. 34]. Прежде все-

го следует отметить, что знак эмоции обозначает ее полезное адаптационное значение и поэтому должно определяться ее соответствием конкретной жизненной ситуации. К. Изард приводит пример того, что даже точность оценки наблюдаемой эмоции зависит от знания ситуации, в которой она проявляется. Приведенные данные возвращают нас к главной функции эмоций — мотивационной, побудительной, а следовательно, к связи эмоции с поведением. Удивительным образом эти две составляющие входят в популярный в отечественной, прежде всего педагогической, литературе термин «эмоционально-волевая сфера личности», происхождение которого не удастся обнаружить в доступных источниках. В основном он употребляется в учебных пособиях или практических рекомендациях и чаще всего сводится к определению составляющих термин понятий, а затем основное внимание уделяется описанию эмоций. В некоторых случаях можно обнаружить даже представления об их конфликте, когда эмоции рассматриваются как нечто желательное в духе интерпретации Б. И. Додонова [6], а воля как необходимость противодействия им. Другим примером разорванности эмоций и воли является патологический аффект, позволяющий оправдать человека, совершившего преступление, поскольку его действия признаются неконтролируемыми. В действительности союз эмоций и воли (субъективной стороны поведения) давно признан ученым достаточно хорошо описан в рамках всем хорошо известного, признаваемого чрезвычайно важным при осуществлении педагогического процесса явления — темперамента [1, 19]. История бытования этого термина представляет самостоятельный интерес, но остановимся только на некоторых ключевых моментах. Будем опираться на исходное древнегреческое понятие «красис» (др.-греч. — κράσις), калькой с которого является привычный для большинства ученых и обывателей латинский термин «temperamentum», означающий «надлежащее соотношение частей», рассматривавшееся в

то время как основа здоровья в виде гармоничного сочетания составляющих тело человека элементов. Позже Гален (ок. 129 — ок. 200) на первое место среди проявлений темперамента поставил поведение, а еще через несколько веков, например, в трудах Ибн Сины (980–1037) или в «Салернском кодексе здоровья», изданном в 1480 году Арнольдом из Виллановы, к поведенческим проявлениям добавляются характерные эмоциональные проявления. То есть четыре варианта сплава эмоций и поведения сменили прежние физические элементы крзиса, подлежащие гармонизации для обретения здоровья.

Во многих пособиях и руководствах четыре элемента проявления крзиса-темперамента иллюстрируют рисунком Х. Битструпа, на котором чаще всего обращают внимание на поведение изображаемых персонажей, но художник не менее выразительно представил и их эмоции.

И. П. Павлов, изучая поведение собак, обратил внимание на то, что оно имеет индивидуальные черты, которые соответствуют традиционному описанию темперамента, а затем, увидев эти же варианты поведения у человека, сделал вывод, что это «есть самая общая характеристика каждого человека, самая основная характеристика его нервной системы, а эта последняя кладет ту или другую печать на всю деятельность каждого индивидуума» [17, с. 85], а в другой работе он отмечает, что качества высшей нервной деятельности, обеспечивающие эти формы поведения, «наличествуя одновременно, и обуславливают высшее приспособление животного организма к окружающим условиям, или, иначе говоря, совершенное уравнивание организма как системы с внешней средой, т. е. обеспечивают существование организма» [17, с. 267–268].

В этом сочетании эмоций и поведения первые определяют второе, вызывая и по необходимости удерживая его в той или иной ситуации, которая может длиться от нескольких секунд до нескольких часов. На полезность отдельных проявлений темперамента

указывал В. Вундт: «Так как каждый темперамент имеет свои выгодные и невыгодные стороны, то истинное искусство жизни человека состоит в том, чтобы путем регулирования аффектов и стремлений соединить в себе все темпераменты. В обыкновенных будничных радостях и горестях жизни нужно быть сангвиником, в важных событиях жизни — меланхоликом, относительно впечатлений, глубоко задевающих ваши интересы, — холериком и, наконец, флегматиком в исполнении раз принятых решений» [5, с. 320]. Такое понимание устойчиво выделяемых на протяжении нескольких веков четырех типов поведения позволило нам осмыслить их как набор необходимых и достаточных тактик адаптивного поведения, имеющего свою специфику, включающую его эмоциональную составляющую. Сущность каждой адаптивной тактики поведения сводится к решению одной из четырех задач: преобразовательной (холерическая), исследовательской (сангвиническая), нормативно-устойчивой (флегматическая) и контролирующей соответствие трех предыдущих тактик конкретной ситуации (меланхолическая). Под влиянием ряда факторов, прежде всего конституциональных, а также в определенной мере опыта семейных отношений, умения оценивать ситуацию у каждого человека закрепляет склонность к достаточно устойчивому употреблению каждой из тактик адаптивного поведения, а их отношение приобретает индивидуальный характер или адаптивный стиль поведения, в той или иной степени отклоняясь от уравновешенного, гармоничного его варианта, т. е. согласно греческой терминологии чаще всего представляет собой акразию. Каждая тактика является инвариантной по отношению к разнообразным формам адаптивного поведения.

Ранее нами было проведено исследование, позволившее соотнести каждую из четырех тактик поведения, характеризующих темперамент, со 194 единицами эмотивной лексики [10]. В результате удалось выявить группы эмоций, которые можно было квалифицировать как проявление четырех базовых

эмоций — радости (48), печали (40), гнева (25) и невозмутимости (19), соответствовавших сангвинической, меланхолической, холерической и флегматической тактикам поведения. При этом оказалось, что эмоции гнева и печали нагружены преимущественно негативной оценкой, а радости и невозмутимости — позитивной.

С помощью опросника А. Белова [3] нами было произведено сравнение более 500 взрослых лиц без нарушений речи и более 2000 взрослых заикающихся. Удалось установить, что разница между сравниваемыми группами отсутствует, что опровергает мнение С. Е. Тайбогарова и С. М. Монаковой о том, что возникновению заикания способствуют особенности темперамента [20]. Этому заключению соответствует и отсутствие какой-либо связи адаптивных тактик поведения заикающихся с формами и тяжестью речевого дефекта. Полученные данные также противоречат представлениям о невротической природе заикания, так как не было выявлено среди заикающихся холерического и меланхолического поведения, которое И. П. Павлов рассматривал как «поставщиков» неврозоз. Полученные результаты также не позволяют говорить, что у заикающихся имеются какие-то особенности проявления эмоций как организатора поведения, включая и речь, так как в использованной нами методике есть вопросы, характеризующие речевое поведение. Вместе с тем в отличие от незаикающихся в группе заикающихся были выявлены достоверные корреляционные связи ($p < 0,05$) флегматической речевой тактики поведения с интроверсией, родительским эгосостоянием и отрицательные с холерической речевой тактикой поведения и сангвинической тактикой поведения. Таким образом, можно предположить, что темперамент с его поведенческой и эмоциональной составляющей все-таки оказывает определенное влияние на клиническую картину заикания.

Поскольку при заикании страдает интонационная сторона речи, можно было предположить, что, исходя из моторной теории

восприятия речи [23], она должно сказываться на восприятии эмоций. Действительно, в исследовании Т. С. Овчинниковой было показано, что речевое нарушение может ухудшать восприятие детьми эмоций в меньшей степени в музыке и в большей — в речи [16]. На значимость музыки для нормализации эмоциональной сферы заикающихся указывают З. Матейова и С. Машура в монографии «Музикотерапия при заикании» [14].

Далее производилась оценка способности воспринимать эмоциональное содержание печатных текстов заикающимися и незаикающимися взрослыми с целью определения их способности использовать помимо интонации другие средства речи, передающие эмоции адресанта. Участникам эксперимента предлагалось после прочтения молча (чтобы исключить акустические характеристики речи) девяти текстов оценивать по девятибалльной шкале (1 балл соответствовал минимальному, а 9 — максимальному значению характеристики текста) наличие в каждом из них: а) выраженности переживаний гнева, радости, невозмутимости и печали; б) степени воздействия на читающего — интересности, понятности, трудности, образности, интенсивности побуждения к действию.

С целью уточнения возможности влияния на их эмоциональность были подобраны фрагменты литературных произведений, состоящих из 3–4 предложений, следующих категорий: прозаические тексты — 1. описательный («Весна»), 2. научный (текст из учебника ботаники), 3. сюжетный (фрагмент рассказа В. Голявкина «Пароходы»), 4. сюжетный, содержащий псевдослова («Глокая Куздра» Л. В. Щербы); стихотворные тексты — 5. (описательный (из Ф. Тютчева), 6. абстрактный (из В. Хлебникова), 7. сюжетный с короткими строками (из А. Барто), 8. сюжетный с длинными строками (из Гомера), 9. сюжетный, содержащий псевдослова (из Л. Кэррола).

Всего в эксперименте, направленном на выявление способности к оценке эмоцио-

нальности и действенности различных текстов, приняли участие 120 студентов и 20 взрослых заикающихся.

Все участники эксперимента успешно справились с заданием. Результаты исследования восприятия взрослыми незаикающимися и заикающимися эмоционального содержания читаемых текстов и вызываемой ими психической реакции представлены в виде средних показателей в таблицах 1 и 2. Они свидетельствуют, что оценки являются дифференцированными, а их распределение различается в обеих группах респондентов. При этом в среднем в группе незаикающихся оценка действенности превышает оценку эмоциональности текстов (соответственно 5,1 и 3,0 балла) в 1,7 раза, а в группе заика-

ющихся средние оценки для обоих показателей оказываются одинаковыми (4,0 балла). Средний коэффициент вариативности оценок эмоций и действенности текста для незаикающихся составляет соответственно 46 и 31 процентов, а для заикающихся — 53 и 43. То есть в обеих группах вариативность оценок эмоций превосходит вариативность оценок действенности текстов примерно в 1,5 раза, но при этом вариативность оценок эмоций и действенности текстов у заикающихся больше в 1,2 и 1,4 раза, чем эти же показатели у незаикающихся.

Распределение оценок содержания эмоций в различных текстах заикающимися и незаикающимися взрослыми не является случайным в обеих группах. Исходя из сравнения

Таблица 1

Результаты оценки эмоционального содержания четырех прозаических и пяти стихотворных текстов и собственной реакции на эти тексты незаикающимися взрослыми (средние арифметические оценок по девятибалльной шкале)

	Текст								
	Описательный	Научный	Сюжетный	С псевдоловами	Описательный	Абстрактный	Сюжетный	Описательный из Гомера	С псевдоловами
Гнев	1,1	1,3	1,2	1,8	1,1	1,4	1,2	2,7	2,1
Радость	7,0	2,0	5,3	5,0	4,9	1,8	7,2	1,5	3,6
Невозмутимость	2,9	5,5	3,5	3,2	2,7	3,0	2,6	3,6	3,5
Печаль	1,7	1,4	1,6	1,4	4,2	6,5	1,5	4,9	2,3
М*	3,2	2,6	2,9	2,9	3,2	3,2	3,1	3,2	2,9
Σ**	2,7	2,0	1,9	1,6	1,7	2,3	2,8	1,4	0,8
CV, %***	84	77	66	55	53	72	90	44	28
Интерес	4,9	4,2	5,7	5,7	6,5	5,4	6,7	4,8	5,2
Понятность	8,7	7,7	8,2	2,4	8,1	7,1	8,4	5,9	3,4
Трудность	1,2	2,3	1,4	6,2	2,4	3,0	1,4	4,7	5,7
Образность	6,8	3,1	5,9	4,4	7,9	7,2	7,3	6,6	5,3
Действенность	4,7	3,1	4,3	3,0	4,6	3,6	4,3	4,0	3,2
М	5,3	4,1	5,1	4,3	5,9	5,3	5,6	5,2	4,6
σ	2,8	2,1	2,5	1,6	2,4	1,9	2,8	1,0	1,2
CV, %	53	51	49	37	41	36	50	19	26

Здесь и далее в таблицах: * средние, ** среднеквадратичное отклонение, *** коэффициента вариативности.

Результаты оценки эмоционального содержания четырех прозаических и пяти стихотворных текстов и собственной реакции на эти тексты взрослыми заикающимися (средние арифметические оценок по девятибалльной шкале)

	Текст								
	Описательный	Научный	Сюжетный	С псевдословами	Описательный	Абстрактный	Сюжетный	Описательный из Гомера	С псевдословами
Гнев	1,0	7,7	3,5	1,1	5,0	8,0	1,2	7,7	5,2
Радость	1,3	2,7	5,1	1,9	4,3	7,6	2,1	4,7	3,7
Невозмутимость	1,2	5,4	4,1	1,5	5,1	8,6	1,7	6,7	4,3
Печаль	2,1	3,3	2,7	1,9	5,3	3,4	4,7	4,6	3,4
M	1,4	4,8	3,9	1,6	4,9	6,9	2,4	5,9	4,2
σ	0,5	2,3	1,0	0,4	0,4	2,4	1,6	1,5	0,8
CV, %	36	48	26	25	8	35	67	25	19
Интерес	1,1	5,9	2,7	2,4	5,7	7,6	2,5	7,9	5,1
Понятность	1,5	3,1	3,0	4,4	4,7	6,3	3,0	6,7	3,5
Трудность	1,3	5,5	3,5	1,7	5,6	7,8	2,3	6,7	4,8
Образность	2,4	2,8	3,8	4,0	4,3	5,9	3,1	6,0	3,8
Действенность	2,5	3,7	3,3	1,3	4,7	4,1	4,1	4,1	3,7
M	1,8	4,2	3,3	2,8	5,0	6,3	3,0	6,3	4,2
σ	0,6	1,4	0,4	1,4	0,6	1,5	0,7	1,4	0,7
CV, %	33	33	12	20	12	24	23	22	17

рангов выраженности эмоций и действенности текстов, заикающиеся существенно отличаются от незаикающихся. Например, эмоция гнева незаикающимися во всех текстах оценивается в один, реже два балла, а заикающиеся воспринимают ее как выраженную в прозаическом научном (7,7 балла), в двух стихотворных (абстрактном (8 баллов) и описательном из Гомера (7,7 балла) текстах. Иные отношения наблюдаются в оценке присутствия в текстах эмоции радости. Незаикающиеся находят ее преимущественно в прозаических описательном (7,0 баллов) и сюжетном (5,3 балла) текстах, а также в стихотворных сюжетном (7,2 балла), описательном (4,9 балла) и содержащем псевдослова (3,6 балла). Эмоцию невозмутимости незаикающиеся выделяют только в научном прозаическом тексте (5,5 баллов), а во все

остальных в среднем оценивают ее присутствие в 3 балла. Более дифференцированной оказывается оценка невозмутимости в текстах заикающимися. В наибольшей степени они выделяют ее в абстрактном стихотворном тексте (8,6 балла), а также в описательном тексте из Гомера (6,7 балла) и прозаическим научном (5,4 балла). При оценке печали обращает на себя тот факт, что в обеих группах респондентов в отношении прозы она находится в пределах двух–трех баллов, причем несколько меньше выражена у незаикающихся. Значительно более дифференцированно оцениваются стихотворные тексты. Незаикающиеся в наибольшей степени воспринимают печаль в абстрактном тексте (6,5 баллов), а также описательном из Гомера (4,9 балла). Для заикающихся печальными представляются описательное, сюжетное

и описательное из Гомера стихотворения (оцениваемые соответственно на 5,3, 4,7 и 4,6 баллов).

В группе незаикающихся отсутствуют корреляционные связи между оценками выраженности эмоций во всех девяти текстах, но есть отрицательная корреляция между оценкой незаикающимися радости с оценкой заикающимися гнева ($-0,94$) и невозмутимости ($-0,87$). В группе заикающихся имеются положительные корреляции между оценкой радости с оценкой гнева ($0,70$) и невозмутимости ($0,88$), а также с оценками гнева и невозмутимости ($0,95$).

В группе незаикающихся оценка действительности (53 ± 19) стихов достоверно превышает оценку их эмоциональности (31 ± 17) ($p < 0,05$), а в группе заикающихся оценка действительности стихов (50 ± 16) достоверно превышает оценку действительности прозы (30 ± 13) ($p < 0,05$).

Исходя из средних оценок по всем девяти текстам, незаикающиеся по степени убывания выделяют эмоции радости, невозмутимости, печали и гнева, а заикающиеся — гнева, невозмутимости, радости и печали. При этом достоверно различаются только оценки присутствия в текстах гнева для незаикающихся и заикающихся соответственно 1,5 и 4,5 балла.

Заключение. С учетом оценок состояния речи, полученные данные свидетельствуют,

что у заикающихся по сравнению с незаикающимися сверстниками большее внимание привлекает сам текст, а не передаваемое им содержание. Очевидно, что заикающиеся, как и их незаикающиеся сверстники, в целом дифференцированно воспринимают тексты по заложенным в них различиям — рациональным, информационно-креативным и эмоциональным. Вместе с тем их восприятие оказывается менее дифференцированным, что также свидетельствует в пользу известного феномена фиксации на своем дефекте по механизму доминанты, когда содержание речи отступает на второй план по сравнению с ее формой. Этому же соответствует выявленная нами и другими исследователями ранее тенденция заикающихся к алекситимии, проявляющаяся в затруднении словесно обозначать свои эмоции. Большинство заикающихся адекватно оценивает произносительную трудность читаемого текста, что проявляется в наличии корреляции между субъективной оценкой в баллах и объективной его характеристикой с помощью подсчета количества запинок в речи. Выявить связь между эмоциональной насыщенностью текста и его трудностью не удалось. Вместе с тем общая напряженность в отношении к текстам, свойственная заикающимся по сравнению с незаикающимися, по всей вероятности является следствием социофобии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аболин Л. М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 261 с.
2. Балли Ш. Язык и жизнь. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
3. Белов А. Г. Формула темперамента // Знание — сила. 1971. № 9. С. 54.
4. Белякова Л. И. Роль эмоционального фактора в центральных механизмах заикания // Клиника и терапия заикания: сб. научн. тр. / под ред. Г. В. Морозова. М.: Знание, 1984. С. 106–120.
5. Вундт В. Темпераменты // Психология индивидуальных различий / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 344.
6. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
7. Журавлев А. П. Звук и смысл: кн. для внеклассного чтения (VIII–X кл.). М.: Просвещение, 1981. 160 с.
8. Изард К. Е. Эмоции человека: пер. с англ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 440 с.

9. *Калягин В. А.* Алекситимия взрослых заикающихся // Специальное образование: Методология, теория, практика: сборник научно-методических трудов с международным участием. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 126–130.
10. *Калягин В. А.* Анализ словаря эмоций в связи с задачами психотерапии // XXX Всероссийское совещание по проблемам высшей нервной деятельности, посвященное 150-летию со дня рождения И. П. Павлова (Санкт-Петербург, 15–18 мая 2000 г.): тезисы докладов: в 2 т. СПб.: Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, 2000. С. 409–410.
11. *Калягин В. А.* Внутренняя картина болезни при расстройствах речи и ее роль в психодиагностике и психотерапии // Калягин В. А., Кузьмин Ю. И., Скляр О. П. Психофизиология речи в норме и при патологии: пособие / В. А. Калягин, Ю. И. Кузьмин, О. П. Скляр. СПб.: Полифорум, 2014. С. 176–430.
12. *Калягин В. А.* Речевая тревога: за и против // Современные проблемы речевого дизонтогенеза: психолого-педагогические аспекты: международный сборник научных трудов / под ред. С. М. Валявко. М.: Спутник, 2011. С. 81–88.
13. *Калягин В. А.* Психодиагностика в процессе лечения заикания у детей школьного возраста / В. А. Калягин, Л. Н. Громова, Г. М. Степанова, Е. А. Стифутина // Тез. докл. науч.-практ. конф. оторинолар. и итоговой науч. сессии Лен. НИИ уха, горла, носа и речи. 15–17 ноября 1990 г. Л.: Ленинградский НИИ уха, горла, носа и речи, 1990. С. 119–120.
14. *Матейова З.* Музыкаотерапия при заикании / З. Матейова, С. Машура; пер. с чешского. Киев: Вища шк., 1984. 303 с.
15. *Неткачев Г. Д.* Клиника и психотерапия заикания: Новый психологический метод лечения. М.: тип. Вильде, 1913. 158 с.
16. *Овчинникова Т. С.* Распознавание эмоций в музыке и речи дошкольниками с речевыми нарушениями // Обучение, адаптация и интеграция детей с нарушениями развития. СПб.: Образование, 1995. С. 156–157.
17. *Павлов И. П.* Полное собрание сочинений. Издание второе, дополненное. Том III. Книга вторая. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 439 с.
18. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций: пер. с польского. М.: Прогресс, 1979. 238 с.
19. *Русалов В. М.* О представленности типов психической деятельности в различных моделях темперамента / В. М. Русалов, И. Н. Трофимова // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 74–84.
20. *Тайбогаров С. Е.* Заикание / С. Е. Тайбогаров, С. М. Монакова. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 92 с.
21. *Якобсон Р.* Мозг и язык // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 270–286.
22. *Bloodstein O.* A Handbook on Stuttering. Sixth edition / O. Bloodstein, N. B. Ratner. Cengage Delmar Learning, 2007. 552 p.
23. *Galantucci B.* The motor theory of speech perception reviewed / B. Galantucci, C. A. Fowler, M. T. Turvey // Psychonomic Bulletin & Review, 2006. Vol. 13 (3). P. 361–377.
24. *Nummenmaa T.* Pure and blended emotion in the human face. Psychometric experiments. Sarja — Ser. B. Nide-tom. 261. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1992. 112 p.

REFERENCES

1. *Abolin L. M.* Psihologicheskie mehanizmy emotsional'noy ustoychivosti cheloveka. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1987. 261 s.
2. *Balli Sh.* Yazyk i zhizn'. M.: Editorial URSS, 2003. 232 s.
3. *Belov A. G.* Formula temperamenta // Znanie — sila. 1971. № 9. S. 54.

4. *Belyakova L. I.* Rol' emotsional'nogo faktora v tsentral'nyh mehanizmah zaikaniya // *Klinika i terapiya zaikaniya: sb. nauchn. tr. / pod red. G. V. Morozova.* M.: Znanie, 1984. S. 106–120.
5. *Wundt V.* Temperamenty // *Psihologiya individual'nyh razlichiy / Pod red. Yu. B. Gippenreyter, V. Ya. Romanova.* M.: Izd-vo MGU, 2000. S. 344.
6. *Dodonov B. I.* Emotsiya kak tsennost'. M.: Politizdat, 1978. 272 s.
7. *Zhuravlev A. P.* Zvuk i smysl: kn. dlya vneklassnogo chteniya (VIII–X kl.). M.: Prosveshchenie, 1981. 160 s.
8. *Izard K. E.* Emotsii cheloveka: per. s angl. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. 440 s.
9. *Kalyagin V. A.* Aleksitimiya vzroslykh zaikayushchihsya // *Spetsial'noe obrazovanie: Metodologiya, teoriya, praktika: sbornik nauchno-metodicheskikh trudov s mezhdunarodnym uchastiem.* SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2017. S. 126–130.
10. *Kalyagin V. A.* Analiz slovarya emotsiy v svyazi s zadachami psihoterapii // XXX Vserossiyskoe soveshchanie po problemam vysshey nervnoy deyatel'nosti, posvyashchenoe 150-letiyu so dnya rozhdeniya I. P. Pavlova (Sankt-Peterburg, 15–18 maya 2000 g.): tezisy dokladov: v 2 t. SPb.: Institut fiziologii im. I. P. Pavlova RAN, 2000. S. 409–410.
11. *Kalyagin V. A.* Vnutrennyaya kartina bolezni pri rasstroystvah rechi i ee rol' v psihodiagnostike i psihoterapii // *Kalyagin V. A., Kuz'min Yu. I., Sklyarov O. P.* Psihofiziologiya rechi v norme i pri patologii: posobie / V. A. Kalyagin, Yu. I. Kuz'min, O. P. Sklyarov. SPb.: Poliforum, 2014. S. 176–430.
12. *Kalyagin V. A.* Rechevaya trevoga: za i protiv // *Sovremennye problemy rechevogo dizontogeneza: psihologo-pedagogicheskie aspekty: mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh trudov / pod red. S. M. Valyavko.* M.: Sputnik, 2011. S. 81–88.
13. *Kalyagin V. A.* Psihodiagnostika v protsesse lecheniya zaikaniya u detey shkol'nogo vozrasta / V. A. Kalyagin, L. N. Gromova, G. M. Stepanova, E. A. Stifutina // *Tez. dokl. nauch.-prakt. konf. otorinolar. i itogovoy nauch. sessii Len. NII uha, gorla, nosa i rechi. 15–17 noyabrya 1990 g. L.: Leningradsky NII uha, gorla, nosa i rechi, 1990. S. 119–120.*
14. *Mateyova Z.* Muzykoterapiya pri zaikanii / Z. Mateyova, S. Mashura: per. s cheshskogo. Kiev: Vishcha shk., 1984. 303 s.
15. *Netkachev G. D.* Klinika i psihoterapiya zaikaniya: Novyj psihologicheskij metod lecheniya. M.: tip. Vil'de, 1913. 158 s.
16. *Ovchinnikova T. S.* Raspoznavanie emotsiy v muzyke i rechi doshkol'nikami s rechevymi narusheniyami // *Obuchenie, adaptatsiya i integratsiya detey s narusheniyami razvitiya.* SPb.: Obrazovanie, 1995. S. 156–157.
17. *Pavlov I. P.* Polnoe sobranie sochineniy. Izdanie vtoroe, dopolnennoe. Tom III. Kniga vtoraya. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 439 s.
18. *Reykovskiy Ya.* Eksperimental'naya psihologiya emotsiy: per. s pol'skogo. M.: Progress, 1979. 238 s.
19. *Rusalov V. M.* O predstavlenosti tipov psihicheskoy deyatel'nosti v razlichnyh modelyah temperamenta / V. M. Rusalov, I. N. Trofimova // *Psihologicheskij zhurnal.* 2011. T. 32. № 3. S. 74–84.
20. *Taybogarov S. E.* Zaikanie / S. E. Taybogarov, S. M. Monakova. Alma-Ata: Kazahstan, 1978. 92 s.
21. *Yakobson R.* Mozg i yazyk // *Izbrannye raboty.* M.: Progress, 1985. S. 270–286.
22. *Bloodstein O.* A Handbook on Stuttering. Sixth edition / O. Bloodstein, N. B. Ratner. Cengage Delmar Learning, 2007. 552 p.
23. *Galantucci B.* The motor theory of speech perception reviewed / B. Galantucci, C. A. Fowler, M. T. Turvey // *Psychonomic Bulletin & Review,* 2006. Vol. 13 (3). P. 361–377.
24. *Nummenmaa T.* Pure and blended emotion in the human face. Psychometric experiments. Sarja — Ser. B. Nide-tom. 261. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1992. 112 p.